

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Романа Юлиановича Почекаева «Антропология властной коммуникации в российской политике фронтальной модернизации Казахской степи и ханств Средней Азии в XVIII – начале XX в.», представленную на соискание ученой степени доктора наук по специальности 07.00.02. – Отечественная история

Распад СССР, в геополитических императивах и внутренней национально-государственной структуре которого многие находят имперские черты, вызвал необычайный рост внимания научного сообщества к истории империй. Мощным дополнительным импульсом актуализации имперской проблематики выступили процессы глобализации и научно-технического прогресса рубежа XX–XXI столетий, следствием которых становится ослабление нации-государства как института современности и кризис национально-государственной идентичности. Развитие наднациональных структур типа Евросоюза, еще более подогревает интерес к наднациональным образованиям прошлого. Отсюда – стремление переосмыслить причины формирования и гибели великих империй, их роль в развитии мировых цивилизаций, опыт продолжительного по времени сосуществования в рамках единого целого множества этно-религиозных групп. Всю совокупность данных аспектов можно проследить в представленной к защите диссертации, посвященной политике Российской империи в отношении ее центральноазиатских окраин и протекторатов – Степного края, Хивинского ханства и Бухарского эмирата. Это, безусловно, придает представленной к защите диссертации актуальность и научную значимость.

К настоящему времени вполне очевидно, что современная империография характеризуется наличием значительного массива конкретно-исторических исследований, посвященных истории Российской империи, формированию ее территорий, этноконфессиональной политике и т.д. Отдельным, детально исследованным направлением «новой имперской истории» России, следует считать проблему включения в ее состав в XVIII–XIX вв. центральноазиатских

окраин и последовавших многопрофильных преобразований, направленных на интеграцию региона в общеимперское пространство. Очевидно также, что к настоящему времени уже введен в научный оборот основной массив источников по данной проблеме.

Тем не менее, нет оснований считать данную тему исчерпанной, ряд ее аспектов продолжает носить дискуссионный характер. Открывающий широкие исследовательские перспективы междисциплинарный подход, позволяет сегодня по-новому интерпретировать известные исторические источники и находить «пробелы» в истории политики Российской империи в центральноазиатских окраинах. Именно это мы наблюдаем в представленной к защите диссертации. Применение в исследовании методологических концептов исторической и юридической наук, а также социальной антропологии позволили соискателю выявить новую предметную область исследования, которой выступила антропология властной коммуникации в Российской политике фронтальной модернизации Казахской степи и ханств Средней Азии в XVIII – начале XX вв. Роль и влияние межличностных отношений и коммуникационных практик в системе «региональные властные структуры – региональные этноэлиты» на разработку и реализацию политики модернизации в центральноазиатских окраинах Российской империи, к тому же в такой значительном хронологическом и территориальном диапазоне, анализируется в историографии впервые. Не вызывает сомнения, что представленные в диссертации результаты позволят вывести на более высокий теоретико-методологический уровень ряд дискуссионных вопросов имперской истории России, ее политики в отношении Степного края, Туркестана, Хивинского ханства и Бухарского эмирата. Это будет, в свою очередь, способствовать более глубокому пониманию современных межгосударственных политических процессов на евразийском пространстве с участием России и государств постсоветской Центральной Азии.

Решение заявленной исследовательской цели и задач стало возможным благодаря использованию разноплановых по происхождению исторических источников. Среди них: нормативно-правовые документы, документы делопроизводства, личного происхождения, записки путешественников,

публицистические источники. Следует отметить, что соискатель не ограничивается их констатацией, проводит внутреннюю классификацию отдельных групп источников, анализирует их потенциал для реализации исследовательских задач. Значительный объем документов эпохи впервые вводится исследователем в научный оборот. Для это была проведена колоссальная работа по их выявлению в центральных и региональных архивах Российской Федерации и стран постсоветской Центральной Азии. Несомненным достоинством диссертации является привлечение документов личного происхождения, воспоминаний, путевых заметок, отчетов и научных трудов представителей научной среды и региональной администрации. Данная источниковая группа содержит уникальную информацию о ситуации в исследуемом регионе, приближает нас к «повседневности» эпохи, позволяет реконструировать формы и категории восприятия традиционного центральноазиатского общества представителями российской общественности – носителями европейской цивилизации. Колоссальный информационный потенциал данного типа источника, к сожалению, крайне редко в таком объеме привлекается в новейшей российской историографии.

Не вызывает возражений структура диссертации, которая состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения. Содержание глав подчиненно решению исследовательской цели. Так, во второй главе анализируется система межличностных взаимодействий Оренбургских генерал-губернаторов, председателей Оренбургской пограничной комиссии с казахской родовой аристократией в предмодернизационный период (30–80 гг. XVIII в.), в ходе которой обозначились политические позиции и планы контактирующих групп, их представление о перспективах дальнейшего русско-казахского диалога, наметились его проблемные аспекты, которые в последующем выступят объектом реформаторских воздействий России в регионе. Крайней выигрышными выглядят сюжеты, посвященные трехсторонним российско-казахско-китайским отношениям, которые помогают глубже понять суть происходивших политических процессов в регионе.

Третья глава диссертации нацелена на анализ позиций оренбургских и сибирских органов государственной власти по вопросу об административно-территориальном векторе фронтальной модернизации Младшего и Среднего жузов в конце XVIII– первой половине XIX в. и влиянии властных отношений на процесс его формирования и эволюции. Обоснованными представляются выводы автора о том, что в данный период началась интеграция региона в политико-правовое пространство Российской, характеризовавшееся усложнением административно-территориального пространства в азиатских владениях, стремлением власти интегрировать казахскую аристократию в сословную имперскую структуру и использовать религиозный фактор – исламизацию – в укреплении позиций России в регионе. Все это влекло за собой расширение практик властных коммуникаций по линиям «центральная – региональная власть», «астраханские–оренбургские–сибирские органы власти», «региональная власть – казахская этноэлита».

Отметим, что в третьей главе автор уделяет значительное внимание описанию Устава о сибирских киргизах и его автору М.М. Сперанскому. Не умоляя заслуг великого реформатора, подчеркнем, что детальный анализ его реформы в Среднем жузе, ее значения и последствий для традиционного казахского общества уже неоднократно проводился как советскими, так и современными исследователями. Больше внимание автору диссертации следовало бы сконцентрировать на выявлении практик властной коммуникации, поскольку вывод «об использовании широкого спектра вертикальных и горизонтальных, прямых и опосредованных, устных и письменных коммуникаций», сделанный в конце главы (с. 313), по мнению оппонента, не вполне достаточно подкреплён фактологическими данными.

В четвертой и пятой главах выявляются и анализируются практики властной коммуникации в контексте фронтальной модернизации среднеазиатских владений Хивинского, Кокандского ханств и Бухарского эмирата. Соискатель отмечает, что в данном этнорегионе российские власти использовали уже апробированные в казахских жузах формы взаимодействия с региональными политическими элитами, последовательно пройдя путь от исключительно личных контактов до их

формализации и трансформации в систему строгого иерархического взаимодействия. Нельзя не согласиться с автором в том, что спецификой властной коммуникации в регионе выступал тот факт, что со временем региональная туркестанская администрация фактически отстранилась от решения задач фронтальной модернизации в российских протекторатах, предоставив данную функцию МИД и его политическому агенту в Бухаре.

В целом Р.Ю. Почекаеву удалось решить поставленные цели и задачи исследования. В широком территориальном и хронологическом диапазоне в работе представлена эволюция и этапы властных отношений между центральной и региональной администрацией, региональной администрацией и региональными элитами центральноазиатских окраин Российской империи; выделены конкретные практики властных отношений, их особенности в привязке к исторической динамике в Казахской степи и Туркестане, выявлено их влияние на процесс фронтальной модернизации региона.

Тем не менее, в диссертации имеется ряд не вполне достаточно проработанных сторон и дискуссионных выводов. Остановлюсь на некоторых, наиболее важных, из них.

1. На взгляд рецензента, историография исследуемой темы, представленная в первой главе диссертации, носит описательный характер. Автор совершенно правильно пошел по пути выделения отдельных направлений изучения истории политики Российской империи в центральноазиатском регионе, выделив историографию российско-казахских отношений накануне присоединения региона к империи, имперских преобразований в казахской степи конца XVIII–первой половины XIX в., формирования системы протекторатов в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве, биографий отдельных акторов российско-казахских и российско-среднеазиатских отношений. Но даже в рамках выделенных направлений историография выглядит больше как библиографическое описание. Диссертация выиграла бы если ее автор показал, что в историографии, например, нет единого мнения на правомерность использования теории фронтальной модернизации применительно к центральноазиатским окраинам Российской империи. Многие историки

постсоветской Центральной Азии считают, что ее использование – это манипуляции фактами и стремление российских ученых отрицать колониальную сущность Российской империи и ее колонизаторскую политику в регионе.

2. Рецензент полностью солидарен с автором диссертации и считает, что теория фронтальной модернизации во многом объясняет суть политики Российской империи в центральноазиатском регионе и вполне применима в качестве методологии исследования данной проблемы. Однако Роман Юлианович, к сожалению, ограничился исключительно констатацией того, что он будет применять базовые положения теории фронтальной модернизации, сформулированные В.В. Алексеевым и И.В. Побережниковым. Вместе с тем известно, что И.В. Побережников в своих исследованиях говорит о нескольких зонах цивилизационного приграничья России – Кавказе, Урале, Сибири, Дальнем Востоке, Казахстане и Средней Азии, в которых империя реализовывала различные модели фронтальной модернизации. Данные модели были детерминированы особенностями исторического/цивилизационного развития регионов, особенностями социально-сословных и этнокультурных ландшафтов и т.д.

И действительно, история проводившихся Российской империей в Степном крае и Туркестане трансформаций традиционного пространства позволяет говорить о «центральноазиатской модели» фронтальной модернизации, при всей схожести направлений, значительно отличавшейся от урало-сибирско-дальневосточной. Поэтому, по мнению рецензента, автору в главе 1 диссертации уместно было бы представить анализ данной модели, определить ее цель и задачи, характеристики и содержание в целом, включив особенности протекания властной коммуникации как ее составную часть. Не ясна авторская позиция о дате начала фронтальной модернизации в изучаемом регионе. Так, на с. 7 одной из задач исследования начальный этап модернизации определяется 1730–1750 гг., а из оглавления работы следует, что ее начало автор соотносит с 1780-ми годами.

При этом не совсем понятно, определяет ли исследователь датой окончания фронтальной модернизации, например, в казахской степи середину XIX в.? Ведь

именно на этой дате автор прерывает описание форм властной коммуникации между казахской этноэлитой и представителями региональной администрации. Можно ли считать, что к середине XIX в. Степной край утратил статус и признаки фронта?

3. Требуется уточнения авторская позиция о выборе территориальных рамок исследования. Казахская степь – это не только этнополитические образования казахов Младшего и Среднего жузов, но и Старший жуз, территориально включавший значительный по площади регион современного Юго-Восточного Казахстана – Семиречье. Его присоединение к Российской империи произошло только в середине XIX в. В ходе данного процесса была апробирована тоже достаточно уникальная форма властных отношений между чиновниками региональной администрации – «приставами Большой орды», и родовой аристократией Старшего жуза. Почему автор диссертации оставил вне поля зрения данный регион? За рамками внимания Р.Ю. Почекаева остались также Закаспийская область Туркестанского генерал-губернаторства, населенная кочевыми туркменами, также Ферганская область и часть Семиреченской области, на территории которых проживали кара-киргизы. Таким образом, осталось впечатление, что в диссертации искусственно выбраны лишь отдельные этнорегионы, которые, видимо, были наиболее интересны ее автору.

4. Не совсем понятно для чего соискатель в разделе «методология и методы исследования» первой главы заявил об использовании метода контент-анализа материалов прессы. Данный метод, как известно, применяется исследователями при изучении большого объема текстов, результаты которого сводятся к числовым показателям и поддается статистической обработке. Тем не менее в диссертации мы так и не увидели результатов контент-анализа дореволюционных периодических изданий, так же как и не встретили сюжетов об отношении «различных групп общественности к политике в среднеазиатских ханствах», полученных на основе анализа периодики изучаемого периода (с. 48).

В целом, не смотря на высказанные замечания, диссертация Р. Ю. Почекаева представляет собой актуальное, научно значимое, целостное и законченное сочинение, которому присущи новизна, новаторство в использовании

исследовательских теорий и подходов, глубина знания исторического материала. Основные положения диссертации апробированы автором в 74 научных работах, в том числе 3 монографиях, 71 статье, из которых 23 опубликованы в рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК и журналах, индексируемых в международных базах цитирования WebofScience и Scopus. Кроме этого результаты исследований были доложены соискателем на целой серии международных, всероссийских и региональных конференция. Изложенные в них положения и выводы соответствуют тем, которые сформулированы Р.Ю. Почекаевым в представленной к защите диссертации.

Текст автореферата полностью соответствует содержанию диссертации. Диссертация соответствует паспорту специальности 07.00.02 «Отечественная история», требованиям пунктов 9-14 Положения «О присуждении ученых степеней» от 24 сентября 2013 г. № 842 (в действующей редакции) и является научно-квалификационной работой, содержащей решение значимых для развития исторической науки задач, а Роман Юлианович Почекаев заслуживает искомой степени доктора наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент:
доктор исторических наук
(специальность 07.00.02 – Отечественная история),
доцент, заведующий кафедрой востоковедения,
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Алтайский государственный
университет»
Лысенко Юлия Александровна

09.11.2020 г.

656049, Алтайский край
г. Барнаул, пр. Ленина, 61, офис 316
Телефон: +7(3852) 291-269; iulia_199674@mail.ru

Даю согласие на размещение своих персональных данных в открытом доступе.

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ: начальнику управления
документационного обеспечения

